установленія какихъ то новыхъ формъ жизни.

Съ самой простой, низменной, мірской точки зрѣнія уже ясно, что безумно оставаться подъ сводомъ невыдерживающаго своей тяжести зданія и надо выходить изъ него. И дѣйствительно, трудно придумать положеніе, которое было бы бѣдственнѣе того, въ которомъ находится теперь христіанскій міръ съ своими вооруженными другъ противъ друга народами, съ своими постоянно неудержимо возростающими для поддержанія все растущихъ этихъ вооруженій податями, со все разгорающейся ненавистью рабочаго сословія къ богатому, съ висящимъ надо всѣми Дамокловымъ мечемъ войны, всякую секунду готовымъ и необходимо долженствующимъ рано или поздно оборваться.

Едва ли какая либо революція можетъ быть бѣдственнѣе для большой массы народа постоянно существующаго порядка или скорѣе безпорядка нашей жизни съ своими обычными жертвами неестественной работы, нищеты, пьянства, разврата и со всѣми ужасами предстоящей войны, имѣющей поглотить въ одинъ годъ больше жертвъ, чѣмъ всѣ революціи нынѣшняго столѣтія.

Что будетъ съ нами, со всѣмъ человѣчествомъ, если каждый изъ насъ исполнитъ то, что требуетъ отъ него Богъ черезъ вложенную въ него совѣсть? Не будетъ ли бѣды отъ того, что находясь весь во власти хозяина, я въ устроенномъ и руководимомъ имъ заведеніи исполню то, что онъ мнѣ велитъ дѣлать, но что мнѣ, не знающему конечныхъ цѣлей хозяина, кажется страннымъ?

Но даже не этотъ вопросъ: «что будетъ?» тревожитъ людей, когда они медлятъ исполнить волю хозяина: ихъ тревожитъ вопросъ, какъ жить безъ тѣхъ привычныхъ намъ условій нашей жизни, которыя мы называемъ наукой, искусствомъ, цивилизаціей, культурой. Мы чувствуемъ для себя лично всю тяжесть настоящей жизни, мы видимъ и то, что порядокъ жизни этой, если будетъ продолжаться, неизбѣжно погубитъ насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы хотимъ, чтобы условія этой нашей жизни, выросшія изъ нея: наши науки, искусства, цивилизаціи, культуры при измѣненіи нашей жизни остались бы цѣлы. Вродѣ того, какъ если бы человѣкъ, живущій въ старомъ домѣ, страдающій отъ холода и неудобствъ этого дома и знающій кромѣ того то, что домъ этотъ вотъ-вотъ завалится, согласился бы на перестройку его только съ тѣмъ, чтобы не выходить изъ него: условіе, равняющееся отказу отъ перестройки дома. «А что, какъ я выйду изъ дома, лишусь на время всѣхъ удобствъ, а новый домъ не построится или построится иначе и въ немъ не будетъ того, къ чему я привыкъ?»

Но вѣдь. когда есть матеріалъ, есть строители, то всѣ вѣроятія за то, что новый домъ построится лучше прежняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ есть не только вѣроятіе, но несомнѣнность того, что старый домъ завалится и задавитъ тѣхъ, которые останутся въ немъ. Удержатся ли прежнія, привычныя условія жизни, уничтожатся-ли онѣ, возникнутъ ли совсѣмъ новыя, лучшія, нужно неизбѣжно выходить изъ старыхъ, ставшихъ невозможными и губительными, условій нашей жизни и идти на встрѣчу будущаго.

«Исчезнутъ науки, искусства, цивилизаціи, культуры!»

Да, вѣдь, все это суть только различныя проявленія истины — предстоящее же измѣненіе совершается только во имя приближенія къ истинѣ и осуществленія ея. Такъ какъ же могутъ исчезнуть проявленія истины вслѣдствіе осуществленія ея? Онѣ будутъ иныя, лучшія и высшія, но никакъ не уничтожатся. Уничтожится въ нихъ то, что было ложно; то же, что было отъ истины, то только болѣе процвѣтетъ и усилится.

6.

Одумайтесь, люди, и вѣруйте въ Евангеліе, въ ученіе о благѣ. Если не одумаетесь, всѣ такъ же погибнете, какъ погибли люди, убитые Пилатомъ, какъ погибли тѣ, которыхъ задавила башня Силоамская, какъ погибли милліоны и милліоны людей, убивавшихъ и убитыхъ, казнившихъ и казненныхъ, мучащихъ и мучимыхъ и какъ глупо погибъ тотъ человѣкъ, засыпавшій житницы и сбиравшійся долго жить и умершій въ ту же ночь, съ которой онъ хотѣлъ начинать жизнь. «Одумайтесь, люди, и вѣруйте въ Евангеліе», говорилъ Христосъ 1800 лѣтъ тому назадъ и говоритъ еще съ большей убѣдительностью теперь, — предсказанною имъ и совершившеюся теперь бѣдственностью и неразумностью нашей жизни, дошедшей теперь до послѣднихъ предѣловъ бѣдственности и неразумія.

Вѣдь, теперь послѣ столькихъ вѣковъ тщетныхъ стараній языческимъ устройствомъ насилія обезпечить нашу жизнь, казалось бы, не можетъ не быть очевиднымъ для всякаго, что всѣ, направленныя къ этой цѣли усилія, вносятъ только новыя опасности въ жизнь и личную, и общественную, но никакъ не обезпечиваютъ ея.

Вѣдь, какъ бы мы ни назывались, какіе бы мы ни надѣвали на себя наряды, чѣмъ бы и при какихъ священникахъ ни мазали себя, сколько бы ни имѣли милліоновъ, сколько бы охраны не стояло по нашему пути, сколько бы полицейскихъ не ограждали наше богатство, сколько бы мы ни казнили такъ называемыхъ злодѣевъ-революціонеровъ и